

May В. А.

Российские экономические реформы в представлении их западных критиков¹

Введение

Негативная оценка опыта посткоммунистического развития России стала общим местом в выступлениях западных экономистов по проблемам перехода от плановой экономики к рыночной. Ругать результаты российских реформ становится так же модно, как «сидеть» на диете, как «бороться» с холестерином. И напротив, как-то оправдывать или даже объяснять логику событий в России, обращать внимание на достижения страны становится столь же неприлично и «социально опасно», как в США подавать даме пальто или, того хуже, говорить ей комплименты. Увы, все попытки взвешенного анализа хода события в России 1990-х гг. немедленно упираются в стену недоумения (или возмущения), а затем непременно следуют риторические вопросы типа «Разве олигархи не разворовали страну?» или «Ельцин пьет горькую, не так ли?». (Так в сталинском СССР на любой рассказ о росте благосостояния американцев бдительный советский рабочий должен был гордо ответить что-нибудь вроде: «А у вас негров линчуют!»)

Конечно, российские реформы далеки от того, чтобы считать их феноменально успешными. Однако они нуждаются в специальном и серьезном анализе, не сводимом ни к политическим истерикам слева, ни к псевдоакадемической риторике, когда весьма поверхностное знание фактов подменяется глубоким (а чаще не очень глубоким) знанием теории.

Среди такого рода публикаций самого последнего времени особо выделяются известная статья Дж. Стиглица «Куда идут реформы?»² и

¹ Статья впервые опубликована в журнале «Вопросы экономики» в 1999 г., №№ 11, 12.

² *Stiglitz J. Whither Reform?* Washington D. C.: The World Bank, 1999. Русский перевод этой статьи «Куда ведут реформы?» появился почти незамедлительно в журнале «Вопросы экономики» (1999, № 7).

серия публикаций в журнале «Transition»³. Это тем более печально, что Дж. Стиглиц – выдающийся экономист, по учебникам которого учатся во всем мире. А «Transition» в первой половине 1990-х гг. был своего рода настольным журналом российских реформаторов. Но что делать – мода есть мода!⁴

Это следование моде не знает границ и доходит порой до абсурда. Критиковать, так критиковать, раз плохо – то все должно быть плохо, и любые изменения могут лишь ухудшить ситуацию. До чего доводит подобное увлечение, наглядно демонстрирует следующая цитата из добротной в общем-то работы Р. Роуза. Представляя результаты опросов общественного мнения весны 1998 г., автор пишет уже весной 1999 г.: «По данным Российского экономического барометра, в начале 1998 г. трое из пяти россиян обычно не получали начисленную заработную плату или пенсию; после августовского кризиса 1998 г. эта доля, естественно, увеличилась (курсив мой. – В. М.)»⁵. Подобное предсказание *post factum* отражает твердую уверенность, что иначе и быть не может, в то время как общедоступная статистика свидетельствует о прямо

³ Особенно показателен в этом отношении июньский выпуск журнала «Transition» за 1999 г. и, прежде всего, содержащиеся в нем материалы: «Situation of Russia's Poor Aggravates», R. Rose «Distrusting Government Institutions, Russians Develop Survival Strategies», T. Morita «Pretence of market Economy and Legacy of Old Regime – Political Economy of System transformation», V. Brovkin «Wishful Thinking about Russia?», «Milestone of Transition».

Здесь же содержится наиболее наглядный пример того, как мода и общепринятые стереотипы влияют даже на самых, казалось бы, ответственных и «политически корректных» деятелей международного экономического сообщества. Дж. Вульфенсон, который вряд ли считает себя знатоком российской приватизации, с ходу приводит пример: «Проведение приватизации до создания эффективных регулирующих рамок и конкурентной среды может обусловить катастрофические последствия, как было доказано опытом России». Мы не обсуждаем в данном случае обоснованность данного вывода (об этом речь пойдет позже) – здесь мы хотим лишь подчеркнуть его «само собой разумеющийся» характер, несомненность вывода для высказывающего его президента Всемирного банка. (Transition. 1999. June. P. 2).

⁴ Мы не включаем в сферу нашего анализа работы, выходящие за рамки экономической науки и научной этики. Увы, такое тоже встречается. Типичным примером является статья Д. Эллермана (1999) «Ваучерная приватизация как инструмент холодной войны». Вопросы экономики. № 8.

⁵ Rose R. Distributing Government Institutions, Russians Develop Survival Strategies. Transition. 1999. June. P. 9.

противоположном – после кризиса и во многом в результате кризиса долги бюджета по зарплатам и пенсиям стали быстро сокращаться.

В настоящей статье мы намерены рассмотреть и прокомментировать ряд наиболее распространенных упреков российским реформам и российским реформаторам, а также обратить внимание на некоторые существенные особенности посткоммунистической трансформации России, которые обыкновенно оказываются вне поля зрения исследователей. Разумеется, размеры статьи не позволяют ни проанализировать все упреки, ни дать развернутую систему аргументов в пользу альтернативной точки зрения. Нам остается рассчитывать на внимание читателя к тем исследованиям (как нашим, так и других коллег), где соответствующие вопросы анализируются более подробно. Это тем более важно, что отличительной чертой публикаций подавляющего большинства ниспровергателей российского опыта является практически полное отсутствие упоминания о работах непосредственных участников (если угодно, теоретиков и практиков) российских реформ.

В первой части настоящей работы анализируются наиболее распространенные упреки в адрес российских реформ и реформаторов, а также основные причины подобных заблуждений, как они видятся западным экономистам. Вторая часть посвящена анализу ряда характерных черт посткоммунистического развития в условиях слабого государства – базовой, по мнению автора, проблемы рыночных реформ в России.

Провалы российских реформ, обвинения в адрес реформаторов, истоки их заблуждений

Можно выделить ряд базовых тезисов, призванных, по мнению их авторов, продемонстрировать провальный характер российских реформ, а тем самым несущих в себе обвинения в адрес российских реформаторов. Рассмотрим основные из них.

1. Игнорирование китайского опыта

Поначалу о необходимости учета опыта китайских преобразований говорили преимущественно реформистски настроенные представители традиционной советской номенклатуры. Теперь этот упрек становится одним из самых любимых и для западных экономистов,

рассуждающих о современной России⁶. В этом вопросе находятся, по нашему мнению, корни многих заблуждений и передержек относительно характера и механизмов посткоммунистического реформирования России.

Позиции первой группы критиков, в общем, ясны: китайский путь означал бы не только сохранение, но и упрочение их политического и хозяйственного влияния по крайней мере на пару десятилетий. Наиболее энергично в пользу движения по китайскому пути высказывался А. Вольский, про которого в начале 1990-х гг. даже говорили как о прообразе российского Дэн Сяопина. Эта тема органически вписывалась и в риторику другого претендента на это высокое звание – Е. Примакова. Наконец, теоретическое обоснование данного тезиса можно встретить и в работах представителей Отделения экономики РАН, многие из которых стояли у истоков горбачевских реформ (Л. Абалкин, О. Богомолов, Д. Львов). Действительно, социальная суть китайского пути состоит в том, что власть остается в руках старой номенклатуры благодаря сохранению однопартийной системы и идеологической жесткости режима. Экономические преобразования проводятся постепенно и под контролем номенклатуры, а попытки повышения политической активности отдельных представителей гражданского общества жестоко подавляются.

Более забавно, что с сожалениями о неиспользованности китайского опыта или даже с рекомендациями лучше изучить его и по возможности воспользоваться им выступают западные экономисты, воспитанные в традициях политической демократии и пресловутой «политкорректности»⁷. Это заставляет нас привести здесь несколько аргументов как экономического, так и социально-политического характера о при-

⁶ См., например: *Интриллигейтор М.* Шокирующий провал «шоковой терапии». Реформы глазами американских и российских ученых. М.: РЭЖ, 1996.

⁷ Одним из первых среди известных западных экономистов (оставляя в стороне так называемых советологов) за использование Россией китайского опыта высказался М. Интриллигейтор (ор. cit.), а позднее соответствующая система аргументов была изложена в совместном докладе ряда видных экономистов России и США. (*Абалкин Л. И., Богомолов О. Т., Макаров В. Л., и др.* Новая экономическая политика для России: Совместное заявление российских и американских экономистов. Независимая газета. 1996. 1 июля.)

чинах неуместности китайского опыта в современной России, да и в позднем СССР.

Политическая невозможность использования китайского опыта в посткоммунистической России настолько очевидна, что даже как-то неловко повторять всем известные факты. Фундаментальной политической характеристикой этой модели является наличие тоталитарного режима, способного через партийную вертикаль и органы госбезопасности осуществлять всеобъемлющий контроль за всеми ситуацией в стране. Либеральные реформы были начаты в России на рубеже 1991–1992 гг. в отсутствие не то что сильного государства, а государства как такового – СССР уже не было, а российский суверенитет существовал только на бумаге.

Таким образом, обвинения в игнорировании китайского опыта могут быть в лучшем случае адресованы М. Горбачеву и Н. Рыжкову, а также самим отечественным апологетам этого опыта, поскольку почти все они в период перестройки входили в высшую партийно-советскую элиту и непосредственно должны были участвовать в выработке стратегических проблем развития страны. Однако и упреки в их адрес также представляются малообоснованными. Нетрудно показать, что социальные и экономические условия СССР 1980-х гг. существенно отличались от условий предреформенного и пореформенного Китая.

Социально-экономическая структура китайского общества близка к советской, но не 1980-х гг., а периода нэпа. Соотношение городского и сельского населения, структура ВВП и занятости, уровень грамотности, система социального обеспечения населения и корреспондирующие со всеми этими среднедушевой ВВП и бюджетная нагрузка на экономику (доля бюджета в ВВП) в СССР 20–30-х гг. и в КНР 80–90-х гг. в значительной мере совпадают. Не вдаваясь здесь в более подробное рассмотрение этого вопроса, отметим лишь, что китайская трансформация является свидетельством в пользу принципиальной возможности «мягкой» индустриализации нэповской России⁸.

⁸ Движение по пути постепенной индустриализации, через развитие крестьянских хозяйств, легкой и пищевой промышленности в советской истории связано с именем Н. Бухарина, выдвинувшего в связи с индустриализацией лозунг «Обогащайтесь!» (точнее, воспользовавшегося лозунгом, выдвинутым примерно на сто лет раньше Ф. Гизо). Предложенная Бухариным модель индустриализации была заклеямена Сталиным как «правый уклон», а ее приверженцы заплатились жизнью. На протяжении

Иными словами, три взаимосвязанных условия являются принципиально важными для реализуемости модели ускоренного экономического развития при сохранении политического авторитаризма. Во-первых, достаточно низкий уровень экономического развития, выражающийся в наличии значительного количества не вовлеченных в эффективное производство трудовых ресурсов (аграрное перенаселение). Во-вторых, низкий уровень социального развития, когда государство не имеет характерного для развитого общества уровня социальных обязательств. (Например, если в КНР социальным страхованием и пенсионным обеспечением охвачено не более 20% населения, то в СССР они распространялось на все население). Наконец, в-третьих, низкий культурно-образовательный уровень, когда требование демократизации еще не является одним из ключевых среди значительной массы населения⁹.

Все эти факторы налицо в КНР, и всех их не было в Советском Союзе 80-х гг. Поэтому те, кто выражает сожаление, что Горбачев не пошел по пути Дэн Сяопина, или рекомендует России учиться у Китая, должны согласиться со следующими предпосылками этого развития. Прежде всего, правительству следует отказаться от социальных обязательств и перестать платить большую часть пенсий и социальных пособий. Правительству следует также сократить уровень предоставления бесплатных услуг в области здравоохранения и образования. Словом, довести уровень бюджетной нагрузки в ВВП с нынешних 36–40% до примерно 20–25%¹⁰. Однако, насколько нам известно, сторонники

последующих десятилетий вопрос о жизнеспособности бухаринской модели, о ее совместимости с коммунистическим тоталитаризмом являлся предметом теоретических дискуссий. Китай продемонстрировал, что эта модель является реальной, практической альтернативой. Правда, здесь следует особо оговориться, что речь идет о принципиальной *экономической* возможности такого развития, но не о *политической* реализуемости его в конкретных советских условиях 20–30-х гг.

⁹ О взаимосвязи политических и экономических факторов горабачевских реформ и посткоммунистической России см. подробнее: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1998). М.: ИЭППП, 1998. Гл. 1–3.

¹⁰ Надо сказать, что наиболее последовательные (хотя последовательные не в социализме, а в либерализме) экономисты именно так и утверждают, объясняя уровнем бюджетной нагрузки на ВВП причины столь разительного расхождения темпов роста коммунистического Китая и посткоммунистической России. (Илларионов А. Секрет

китайских рецептов мотивируют их в значительной мере как раз деградацией социальной сферы России. Но тогда все эти рекомендации уходят из сферы реальной экономической политики в область благородных, но бесполезных мечтаний¹¹.

Подчеркиваем: вопрос не в том, были ли стартовые условия Китая более или менее благоприятными, чем в СССР начала перестройки. Этот вопрос требует самостоятельного обсуждения, и здесь недостаточно просто бросить фразу типа «У Китая было больше трудностей, так как ему пришлось одновременно решать задачи и перехода, и развития»¹². Ведь и перед Советским Союзом стояла задача не только трансформации производственных отношений в рыночном направлении, но и осуществления глубокой структурной реформы, суть которой состояла в переходе от индустриальной экономики к постиндустриальной. А формирование новых секторов экономики, когда уже действует жесткая индустриальная система со своими приоритетами и мощными группами интересов – задача никак не более легкая, чем создание современных секторов непосредственно.

Аналогично и с уровнем демократизации. Советское общество 80-х гг. было уже достаточно зрелым и образованным, а страна относительно открытой для знакомства с западным образом жизни, чтобы реформаторские инициативы партийного руководства воспринимались бы населением без соответствующих политических подвижек. После неудачного опыта 60-х гг. (отказ от начатых экономических реформ и подавление реформ в Чехословакии) никто бы не поверил в серьезность намерений партийных лидеров, а реформаторская риторика воспринималась как попытка органов госбезопасности проверить благонадежность граждан. Лишь готовность к политическим изменениям могла подтолкнуть экономические реформы и одновременно остановить то подавляющее большинство в партийной номенклатуре, которое видело в экономических новациях Горбачева досадное недоразумение.

китайского экономического «чуда». Вопросы экономики. 1998. № 4; *Авен П.* Экономика торга. Независимая газета. 1999. 27 января.)

¹¹ Надо сказать, что М. Горбачев как раз понимал это очень хорошо. Автор этих строк как-то спросил у него, почему он и его коллеги не попытались пойти по китайскому пути. Президент СССР удивился и ответил, что всем же были понятны принципиальные различия ситуации в СССР и в КНР.

¹² *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы? Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 6.

Таким образом, абсолютно беспочвенны утверждения, что-де сначала надо было провести экономические реформы, а потом уже переходить к реформам политическим, к демократизации, свободе слова, освобождению политических заключенных. Они неверны с политэкономической точки зрения, не говоря уже о безнравственности подобных предложений по существу¹³. Единственное, что могут обозначать призывы обратиться к китайскому опыту, это усиление авторитаризма, а то и некоммунистическую реакцию. Недаром опубликованное 1 июля 1996 г. (т.е. перед вторым туром президентских выборов) письмо ряда видных экономистов России и США, содержащее соответствующие предложения, было воспринято многими как заявление в поддержку кандидата от КПРФ.

2. Роль финансовой стабилизации

Другим часто повторяемым обвинением в адрес российских реформаторов является их увлечение макроэкономикой (точнее, вопросами финансовой стабилизации) вопреки осуществлению институциональных реформ. Говорится об ошибочности политики «шоковой терапии», которая якобы привела к разорению населения, снижению покупательского спроса, что обусловило глубокий спад производства, а также перекосы в приватизации. К этому же примыкает тезис о вредоносном характере созданной системы внутреннего долга – пресловутой «пирамиде» ГКО. «Наихудшим для российской экономики оказалось стремление правительства к макроэкономической стабилизации»¹⁴ –

¹³ При всей своей моральной ущербности, сожаления о том, что политические реформы начались вместе с экономическими (а то и раньше их), весьма популярны среди западных исследователей (особенно левого толка). В этой связи вспоминается дискуссия, которую автор этих строк имел с одним видным итальянским экономистом – специалистом по СССР и России. В ответ на традиционные сентенции об ошибочности горбачевского курса на политические реформы я заметил: «Наверное, Вы правы. Однако согласитесь, что ошибки такого рода уже были в истории. Ведь и для Италии было бы гораздо лучше, если бы Муссолини не ввязался во Вторую мировую войну, а просуществовал бы, скажем, до середины 70-х гг. Итальянская экономика бы устойчиво развивалась, не было бы чехарды правительств, не было бы террора «красных бригад», коррупции, северного сепаратизма и других острейших проблем послевоенных десятилетий». Мой собеседник был возмущен подобным сравнением, хотя оно совершенно естественно и достаточно очевидно.

¹⁴ *Brovkin V. Wishful Thinking about Russia. Transition. 1999. June. P. 22.*

это высказывание является весьма типичным для современной литературы, посвященной России.

В этих упреках голоса разных критиков объединяются в единый мощный хор, хотя, насколько можно понять, речь зачастую идет о вещах довольно-таки различных. Наиболее образованные и наименее политически ангажированные экономисты утверждают, что увлечение макроэкономической стабилизацией отодвинуло на задний план институциональные реформы, которые не были учтены в концепции реформ в должной мере, или же побудило провести институциональные реформы также методами «шоковой терапии»¹⁵. Другие считают, что макроэкономическая стабилизация была ошибочной политикой, поскольку стабилизация привела к завышенному курсу, что, в свою очередь, разоряло отечественного товаропроизводителя¹⁶. Наконец, находятся и авторы, убежденные во вредности политики макроэкономической стабилизации (варианты – финансовой стабилизации, «шоковой терапии») как таковой¹⁷. Любопытно, что сторонники последнего подхода часто апеллируют к авторитетам типа Стиглица или Эрроу, которые, якобы, также считают решительную стабилизационную политику делом опасным и разрушительным¹⁸.

Здесь, таким образом, смешивается сразу несколько вопросов: о целесообразности политики шоковой терапии; о факторах, предопределяющих переход к этой политике; о конкретных механизмах осуществления макроэкономической стабилизации; о соотношении макроэкономической стабилизации и институциональных реформ; и более общий вопрос о последовательности экономических реформ после падения коммунизма.

¹⁵ *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 26.

¹⁶ *Brovkin V.* Op. cit. 1999. P. 22–23.

¹⁷ До абсурда эта мысль доведена в высказывании П. Фишера, что-де правительство должно уделять внимание созданию благоприятных для инвесторов условий *вместо* стабилизации валюты.

¹⁸ В этой связи уместно привести следующую цитату из Дж. Стиглица: «У меня нет особых возражений против шоковой терапии как способа быстрого восстановления нормальных ожиданий, скажем, в рамках антиинфляционной программы. Спор больше велся по поводу попытки использования шокотерапевтического подхода к «установлению» институтов там, где его лучше было бы называть подходом «блицкрига» (*Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 26).

Если под шоковой терапией подразумевать решительную и быструю макроэкономическую стабилизацию, включая достижение товарного и бюджетного равновесия, остановку инфляции и превращение национальной валюты в желательный для экономических агентов инструмент осуществления сделок, то такая политика была в России реализована лишь отчасти. Главное, чего удалось добиться в результате первых шагов экономических реформ – преодолеть товарный дефицит и отвести угрозу надвигающегося голода зимой 1991–1992 гг., а также обеспечить внутреннюю конвертируемость рубля. Это немало для страны, в которой на протяжении 60 лет господствовал товарный дефицит, а сделки с иностранной валютой были уголовно наказуемы (вплоть до расстрела). Однако это слишком мало для того, чтобы назвать такую политику гордым и немного шокирующим именем «шоковой терапии». Понадобилось еще четыре (!) года, чтобы рубль обрел хоть какую-то стабильность – в 1996 г. И еще три года на обретение страной хотя бы первичной сбалансированности бюджета – в 1999 г. Итого семь лет на решение первоочередных задач макроэкономической стабилизации. Хороша шоковая терапия!

Правда, под шоковой терапией нередко понимают не столько определенную логику и результативность экономической политики, сколько болезненность последствий ее реализации – скачок цен и безработицы, рост бедности и социального расслоения, а то и снижение рождаемости¹⁹. Эмоциональные авторы склонны все эти социальные проблемы связывать с либерализационными и стабилизационными мероприятиями первых посткоммунистических правительств. Однако на самом деле тяжесть стабилизационной адаптации является результатом не стабилизационной политики, а масштабов финансового кризиса, с которым та или иная страна вступала в посткоммунистическую эпоху. Иными словами, шокотерапевтический характер стабилизационного курса предопределяется не столько выбором реформаторов, сколько политикой последних коммунистических правительств. Уровень раз-

¹⁹ Доходило до забавных и печальных курьезов. Е. Гайдар и его коллеги были обвинены в снижении уровня рождаемости в России через три месяца после их прихода в правительство и через месяц после начала осуществления либерализационных мероприятий. Как видно, критики реформаторов с самого начала верили в то, что те обладают сверхъестественной силой.

балансированности экономики был максимальным в странах бывшего СССР и в Польше – там и было осуществлено то, что принято сейчас называть «шоковой терапией»²⁰. А, скажем, в Венгрии или Чехословакии, последние коммунистические правительства которых осуществляли достаточно взвешенную финансовую политику, изменение соответствующих экономических индикаторов со сменой коммунистического режима было гораздо более умеренным, а проведение стабилизации оказывалось делом относительно менее сложным, особенно в социально-политическом отношении²¹.

Не шоковая терапия, а как раз отказ от нее обусловил многие противоречия посткоммунистического развития России, в том числе и проблемы институциональные. Продолжающийся уже десятилетие спад инвестиций и слабый интерес зарубежного бизнеса к российским предприятиям, нестабильность условий для производства, многие пороки приватизации – все это в значительной мере связано с длительной незавершенностью процессов финансовой стабилизации. И отнюдь не денежная стабилизация привела к долларизации накоплений, завышению валютного курса и снижению конкурентоспособности отечественного производства, как это утверждают некоторые экономисты²².

²⁰ Кстати, польские реформаторы имели существенное преимущество перед российскими. Как известно, отказ от государственного регулирования цен по многим товарным группам там осуществило последнее коммунистическое правительство М. Раковского, которое и перевело инфляцию из скрыто-подавленной формы в открытую. Первому посткоммунистическому правительству Т. Мазовецкого – Л. Бальцеровича оставалось завершить либерализацию и осуществить стабилизационные мероприятия. В России же на долю Е. Гайдара выпало решение всего комплекса задач – как либерализационных, так и стабилизационных.

²¹ Подчас создается впечатление, что термин «шоковая терапия» вообще чаще склонны применять к неудавшимся случаям стабилизационной политики, а не к тому, что изначально подразумевалось под этим понятием. В этом отношении, опять же, шоковая терапия в России, действительно, плоха, но плоха своей непоследовательностью и незавершенностью. А вот применительно к Эстонии, Латвии, Литве, чьи стабилизационные мероприятия были в социальном отношении никак не легче российских, стандартные обвинения в порочности этого курса практически не звучат. Иногда даже кажется, что и применительно к Польше этот термин используется западными критиками с большой неохотой – уж очень плохо польский опыт вписывается в набор стандартных претензий, предъявляемых к политике шоковой терапии.

²² *Brovkin V. Op. cit. P. 23.* Здесь мы вновь сталкиваемся с избирательной критикой политики стабилизации. С точки зрения роста реального курса национальной валюты,

Е. Гайдар показал, что существует достаточно жесткая связь между длительностью периода высокой инфляции и глубиной бюджетного кризиса в посткоммунистической стране²³. Эта связь понятна: чем дольше длится высокая инфляция, тем более привыкает правительство и вся экономика к инфляционному налогу и тем более деградирует налоговая система. Таким образом, именно незавершенность (точнее, нереализованность) шоковой терапии обусловила заметное сокращение доступных бюджету ресурсов, кризис бюджетной сферы и необходимость внутренних заимствований в виде ГКО. Именно бюджетный дефицит обусловил и завышение валютного курса рубля²⁴. Для решения бюджетных проблем через механизм внутренних заимствований нужна была стабильность национальной валюты. Причем чем больше была зависимость бюджета от финансового рынка, тем меньше оставалось у власти поля для маневра в этой сфере.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать: незавершенность процессов макроэкономической стабилизации, неспособность реформаторов реализовать на практике мероприятия шоковой терапии привели к резкому обострению кризиса бюджетной системы – как в части расходов, так и доходов государства, а это, в свою очередь, обусловило и тяжелый кризис институтов, и кризис власти как таковой.

Иной раз в связи с шоковой терапией можно слышать утверждения об ущербности этого курса в связи с неправильной временной последовательностью проводимых реформ²⁵. Мол, надо первоначально осуществить институциональные преобразования, приватизировать собственность, а потом уже проводить либерализацию и стабилизацию.

ситуация в России мало чем отличалась, скажем, от ситуации в Эстонии, где крона была гораздо более жестко привязана к немецкой марке, чем рубль к доллару. Однако критики обрушиваются именно на российскую политику, видя в ней причины институциональных бед. Хотя элементарное сопоставление схожего в этом отношении опыта различных стран заставляет задуматься о наличии каких-то иных причин столь различных практических результатов.

²³ Гайдар Е. «Детские болезни» постсоциализма (к вопросу о природе бюджетного кризиса этапа финансовой стабилизации). Вопросы экономики. 1997. № 4.

²⁴ Мы оставляем в стороне, насколько *на самом деле* был завышен курс российского рубля в 1997 г., о чем среди экономистов нет единства мнений.

²⁵ В этой логике была написана программа «Пятьсот дней» Г. Явлинского и С. Шаталина. Лидер «Яблока» в дальнейшем неоднократно настаивал на предпочтительности такого порядка осуществления реформ.

Теоретически это, наверное, верно. Однако опыт всех стран, реально двигавшихся по пути рыночного реформирования, ни в одном случае не дает практического подтверждения этой концепции. Правда, остаются еще Северная Корея и Куба...

Наконец, в вопросе о применимости шоковой терапии к сфере институциональных реформ нельзя не признать правоту Дж. Стиглица. Институты, действительно, требуют значительного времени и не могут создаваться методами «блицкрига»²⁶. Однако принципиальная справедливость вывода (как и в случае с последовательностью реформ) сама по себе не свидетельствует о практической реализуемости той или иной теоретически обоснованной модели. И прежде всего это относится к вопросам приватизации.

3. *Российский опыт приватизации*

Итоги российской приватизации встречаются в настоящее время столь же единодушно негативную оценку, сколь единодушно позитивной она была на протяжении первых лет ее осуществления. Ругают, естественно, то, чему более всего поначалу удивлялись и приветствовали, а именно быстрый и массовый характер приватизации в России²⁷.

Критики выдвигают следующие основные упреки приватизации в России. Во-первых, проведение приватизации слишком быстрыми темпами, без соответствующей институциональной подготовки и даже без соответствующего законодательства. Во-вторых, приватизация привела к ослаблению государственной власти, к эрозии общественного порядка, к коррупции. В-третьих, в результате приватизации не сформировался реальный собственник, а все (или почти все) приватизированное имущество приобрело воровской характер. Подобное развитие приватизационных процессов объясняется порочностью ваучерного механизма, субъективным желанием реформаторов ускорить разрыв с коммунизмом, а то и – нечистоплотностью реформаторов.

²⁶ *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 26.

²⁷ Для более полного экономического анализа приватизации имеет смысл обратиться, например, к работам А. Радыгина (*Радыгин А. Д.* Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М., 1994), а также главы 12 и 13 в «Экономике переходного периода...» (М.: ИЭПП, 1998).

Альтернативные подходы предполагают осуществление приватизационных процессов медленно, по мере создания соответствующих рыночных институтов, с более длительным периодом государственного контроля за собственностью и ее использованием. Предлагается также использование иных механизмов приватизации – например, приватизация в пользу stakeholders – «заинтересованных лиц», или широкое использование аренды с правом выкупа (модели, «заявленной» было в СССР, но «почему-то» потом забытой).

Увы, весь этот комплекс идей – как критических, так и позитивных – предлагается вне контекста конкретных экономико-политических и правовых реалий, в которых была начата приватизация в России. Возьмем хотя бы злосчастные ваучеры. Сейчас уже забывается, что Е. Гайдар, А. Чубайс и их коллеги были противниками бесплатной раздачи собственности через приватизационные чеки²⁸. Изначально они считали необходимым осуществление постепенной приватизации за деньги. Однако реальные условия, сложившиеся к началу 90-х гг., потребовали существенно иных подходов.

3 июня 1991 г. был принят Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий», который определял порядок осуществления приватизации в России. В нем и предусматривалось использование приватизационных именных счетов. Неэффективность и коррупционная уязвимость такого решения были достаточно очевидны, и первоначально предполагалось от него отказаться. Однако в процессе сложных переговоров с законодателями удалось в качестве компромисса сохранить приватизационные чеки, но сделать их анонимными. О полном отказе от неденежных механизмов приватизации не могло быть и речи²⁹.

²⁸ Приведем только одну цитату, принадлежащую Д. Васильеву, стоявшему у истоков ваучерной приватизации и справедливо считающемуся одним из ее идеологов: «В начале пути наши взгляды на приватизацию (Чубайса, мои, большинства наших советников) существенно отличались от идей, заложенных в реализованной ныне на практике модели» (цит. по: *Радыгин А. Д.* Реформа собственности в России... С. 10). Заметим, что это было написано, когда ваучерная приватизация еще не завершилась, т.е. автора нельзя упрекнуть в изменении своей точки зрения под воздействием полученного опыта и критики политических противников.

²⁹ Подробнее о переходе от приватизационных именных счетов к ваучерам образца 1992 г. см. *Радыгин А. Д.* Реформа собственности в России... С. 78–83.

Вопрос о темпах приватизации встал тогда со всей остротой. Это сейчас можно рассуждать о том, насколько правильнее было бы сохранять основную массу предприятий в государственной собственности и постепенно, «штучно» осуществлять их продажу. Реальность же была такова, что государство не имело никакого контроля за «своей» собственностью, которая фактически уже находилась в руках ее пользователей.

Действительно, после 1988 г. в стране набирали силу процессы «спонтанной приватизации»³⁰ – эвфемизм, который означал переход государственной собственности в руки тех, в чьем пользовании она находилась. Начало было положено Законом СССР о государственном предприятии (30.06. 1987), по которому трудовые коллективы (а по сути директора) оказывались практически независимыми от государства (в частности, увольнение и назначение директора должно было согласовываться с трудовым коллективом). Директора получили права собственников, тогда как ответственность за эффективность их деятельности оставалась на государстве. Принятый вскоре после этого закон о кооперативной деятельности (1988 г.) указал и механизм «растаскивания» собственности – создание при предприятиях кооперативов, которые брали на себя эффективные виды деятельности предприятия или же использовали в своих интересах разницу между государственными (на предприятии) и рыночными (в кооперативе) ценами. Разница, естественно, уходила директору (фактическому хозяину кооператива)³¹.

Существенным фактором «спонтанной приватизации» стало и право выкупа арендованных предприятий трудовыми коллективами. Дж. Стиглиц, исходя из понятных общетеоретических соображений, противопоставляет ускоренной ваучерной приватизации добротный, неспешный механизм перевода предприятий на аренду с правом выкупа. Более того, в качестве примера такого добротного горбачевского институционального «инкрементализма» он прямо указывает на «арен-

³⁰ Этот термин появился позднее. См. подробнее *Радыгин А. Д.* Реформа собственности в России... С. 46–53.

³¹ Ситуация подчас принимала совершенно курьезные формы. Увлеченное кооперативным строительством и видящее в нем реализацию ленинских предначертаний (знаменитая статья В. И. Ленина «О кооперации»), руководство СССР приняло специальное решение, рекомендуемое создавать кооперативы при госпредприятиях. Когда же спохватились, то было уже поздно.

ду с правом выкупа» – модель, которой, по его мнению, следовало бы придерживаться «так называемым реформаторам» (выражение Дж. Стиглица)³². (В русском издании, опубликованном в «Вопросах экономики», этот пассаж опущен.) Нам хорошо известно, что одним из факторов, подтолкнувших к быстрой ваучерной приватизации, стало как раз стремительное распространение этой самой «аренды с правом выкупа». Последняя в подавляющем большинстве случаев становилась способом бесплатного получения собственности руководством соответствующих предприятий, причем нередко имея целью не обеспечение эффективного функционирования предприятия, а быстрое извлечение из него максимальной прибыли³³.

На самом деле все было иначе, чем это представляется критикам. Ускоренная приватизация в России была не способом быстрого ухода государства из экономики, а, напротив, попыткой государства впрыгнуть в последний вагон уходящего поезда под названием «социалистическая общенародная собственность». Прыгать в уходящий поезд вообще непросто, и только в американских боевиках это удается сделать, не повредив одежды и не набив синяков. Приватизация, пусть и с издержками, способствовала восстановлению хотя бы какого-то порядка в управлении собственностью.

Если не принимать во внимание изначальное отсутствие реальных механизмов государственного контроля за собственностью, неизбежны противоречия, наглядно видные из работы Дж. Стиглица. С одной стороны, он утверждает, что контроль за деятельностью директоров на государственных предприятиях мог бы быть альтернативой ускорен-

³² *Stiglitz J. Wither Reform?..* P. 24.

³³ Осенью 1999 г. мы неожиданно получили «послание из прошлого», напомнившее о том, что аренда с правом выкупа не является способом приватизации в пользу эффективного собственника. В октябре Арбитражный суд Петербурга принял решение о деприватизации Ломоносовского фарфорового завода. Мы оставляем здесь в стороне политические и юридические аспекты этого решения. Обратим внимание лишь на экономическую сторону дела: переход арендного предприятия в руки созданного на его базе АОЗТ привел к быстрому ухудшению положения дел на предприятии, поскольку его хозяева были заинтересованы в концентрации в своих руках прав собственности и быстрейшей ее перепродаже сторонним инвесторам. А за этим вскоре последовала серия конфликтов, сделавшая невозможным устойчивое функционирование предприятия. (См. подробнее: *Панфилова Ю., Семенов А.* Деприватизация свершилась. *Коммерсантъ.* 1999. 13 октября.)

ной приватизации³⁴. С другой стороны, тут же выясняется, что государство не способно обеспечить эффективное регулирование деятельностью управляющих фондами³⁵. Заметим, что в первом случае речь идет о сотнях тысячах предприятий в условиях распада государства (начало 90-х гг.), во втором же – о нескольких десятках фондов.

Наконец, нельзя не прокомментировать и главное позитивное предложение Дж. Стиглица – целесообразность проведения приватизации в пользу «заинтересованных лиц», о «распространении принципов бизнеса, управляемого владельцем, или семейной фирмы на средние и крупные фирмы»³⁶. Фактически же имеется в виду приватизация в пользу работников предприятия – они «не являются отстраненными пассивными акционерами, которые видят в предприятии только «имущество» (дающее возможность быстро пожинать плоды)»³⁷. Это рассуждение основано на ограниченном знании опыта российской приватизации и практики функционирования такого рода фирм. Прежде всего, подавляющее большинство российских предприятий были приватизированы в пользу трудовых коллективов, что почти никак не способствовало превращению последних в эффективных собственников. Более того, приватизация в пользу работников в немалой степени облегчила директорам путь к получению полного контроля над предприятием – сперва фактически (путем угрозы увольнений в случае «неправильного» голосования), а потом и формально (добровольно-принудительное приобретение акций у работников). В результате предлагаемый механизм приватизации еще более помогает тому процессу «распродажи и разграбления активов, которые ведут к краху предприятия»³⁸. Словом, практика никак не свидетельствует о том, что «приватизация в пользу заинтересованных лиц» способна привести к лучшим результатам³⁹.

³⁴ *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 15.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ Там же. С. 18.

³⁷ Там же. С. 18–19.

³⁸ Там же. С. 17.

³⁹ Мы оставляем здесь в стороне вопрос о справедливости такой формы приватизации, означающей преимущественное положение тех, кто стоит «ближе» к лучшим по эффективности активам. Между тем, данный аргумент достаточно важен, когда речь

4. Корни заблуждений реформаторов

Наконец, еще один «пучок стрел» в адрес российских реформаторов нацелен на выявление источников их заблуждений. Речь идет о тех ошибках, которые являются причиной рассмотренных выше пороков экономической политики России последнего десятилетия. И именно здесь мы сталкиваемся с основными заблуждениями самих критиков, порой переходящими в мифотворчество. В том, как видятся причины ошибок российских реформаторов, можно наиболее отчетливо проследить корни многих недоразумений, довольно странных для серьезных экономистов.

Причины столь печальных результатов российской экономической политики принято видеть в теоретических и идеологических предпочтениях тех, кто оказался в начале реформ у кормила государственной власти. Можно выделить следующие основные аргументы такого рода.

Прежде всего, увлечение реформаторов теоретическими моделями, почерпнутыми из учебников. Причем не тех учебников. Дж. Стиглиц всерьез утверждает, что одна из важных причин провалов российских реформ была обусловлена «неспособностью понять движущие силы реальной рыночной экономики – неспособностью, связанной с несостоятельностью самой неоклассической модели экономики». Иными словами, реформаторы «находились под слишком сильным влиянием чересчур упрощенных моделей рыночной экономики, заимствованных из учебников»⁴⁰ (т.е. следовало бы лучше учиться в университете и выбирать себе лучших учителей).

Другой причиной называется идеологическая предвзятость реформаторов, их желание как можно скорее покончить с ненавистным коммунистическим прошлым, с его формами организации общественной жизни и институтами. Это, понятное дело, приводит к быстрому и *осознанному* разрушению этих институтов при невозможности их немедленной замены другими, подлинно рыночными формами. Тогда как, о чем свидетельствует и китайский опыт, плохие, но действующие институты лучше, чем их отсутствие.

идет не о единичной приватизации, но о перераспределении собственности в стране, все население которой было ее лишено.

⁴⁰ Стиглиц Дж. Куда ведут реформы?.. С. 8.

Еще один источник бед – неадекватность советов иностранных экспертов (в основном американских, как любят подчеркивать западноевропейские критики), активно работавших с российским правительством в первые посткоммунистические годы. Именно зловредной роли этих советников приписываются такие «пороки» российской модели, как «шоковая терапия» и избыточное внимание к макроэкономическим проблемам, неадекватные механизмы приватизации, осуществленная после некоторых неудачных попыток в 1995 г. жесткая денежная стабилизация. «Никто не может оспорить того факта, что шоковая терапия была продуктом, привнесенным в Россию западными советниками и их российскими учениками»⁴¹ – этот тезис стал общим местом почти любого солидного советологического трактата или статьи.

Разновидностью последнего типа аргументов являются обвинения в адрес международных финансовых институтов, которые навязывали России неуместные реформы и давали ошибочные рекомендации. Прежде всего, речь идет о пресловутом «Вашингтонском консенсусе»⁴².

Наконец, порочность курса последнего десятилетия объясняется тем, что проводимые реформаторами (навязанные Западом, МВФ и пр.) преобразования никак не согласуются с историко-культурными, национальными и т.п. традициями России – словом, с ее славным историческим прошлым и героическим настоящим. Знание российской, и особенно советской, истории становится здесь ключевым фактором понимания путей реформирования экономики, а советология оказывается главным хранителем и источником мудрости применительно к посткоммунистической стране. То есть подлинными знатоками России

⁴¹ *Brovkin V.* Op. cit. P. 22.

⁴² *Стиглиц Дж.* Многообразные инструменты, шире цели: движение к поствашингтонскому консенсусу. Вопросы экономики. 1998. № 8; *Он же.* Куда ведут реформы?.. Известна и другая позиция, связанная с тем, что международные финансовые институты не оказали поддержки российским реформаторам *вовремя*, когда у них был политический ресурс для осуществления глубоких рыночных преобразований (*Sachs J.* The Transition at Mid Decade. American Economic Review Papers and Proceedings. 1996. X. P. 128–133; *Сакс Дж.* Неудача российских реформ. Независимая газета. 1999. 16 сентября; *Aslund A.* Russia on the Mend. Chase. International Fixed Income Research. Highlights of Current Strategy. 1999. September 7).

Обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

считаются те, кто имеет многолетний опыт исследования советской экономики⁴³, – советологи, продемонстрировавшие свою полную неспособность оценить реальные противоречия советской системы и спрогнозировать перспективы ее развития в условиях горбачевской перестройки, обиженные за это на российские реформы и в большинстве своем не понимающие и не желающие понимать реальные проблемы и логику посткоммунистической экономики.

Все перечисленные факторы тесно взаимосвязаны – и логически, и методологически. Всем им присущ весьма своеобразный, можно сказать, «профессорский» подход к пониманию механизмов осуществления экономической политики. Профессорский подход включает в себя следующие основные компоненты. Во-первых, экономическая политика является результатом планомерного осуществления некоторого плана, разработанного в тиши кабинетов (лучше – в тиши кабинетов больших ученых, еще лучше – нобелевских лауреатов и академиков). Во-вторых, существуют правильные и неправильные экономические теории, и от выбора теории зависит правильная или неправильная экономическая политика. Тем самым, в-третьих, экономическая теория оказывает непосредственное воздействие на хозяйственную практику. И, наконец, в-четвертых, экономические советники существуют для того, чтобы давать советы, а дело политиков – эти советы реализовывать.

Увы, все в этих аргументах – сплошное недоразумение. Говоря о невозможности строить экономическую политику на основе одних учебников и теорий, нам тут же предлагают другие учебники и теории. Оказывается, что проблемы и провалы реформ связаны с недооценкой работ Кейнса, Шумпетера и Хайека, а также учебников экономической теории, уделяющих повышенное внимание информационной экономике в отличие от «чистого» неоклассического подхода⁴⁴. Разумеется, как это всегда бывает при «теоретической» критике практической полити-

⁴³ Весьма показательна приводимая Дж. Стиглицем ссылка на работу М. Вейцмана (M. Weitzman), «который в отличие от наиболее известных западных консультантов хорошо разбирался в экономике советского типа» и именно поэтому «привел прагматический довод...» (*Стиглиц Дж. Куда ведут реформы?.. С. 19*). С не меньшим основанием можно было бы цитировать И. Сталина, который также имел колоссальный опыт в этой области.

⁴⁴ *Стиглиц Дж. Куда ведут реформы?.. С. 7–8.*

ки, разные авторы с одинаковым энтузиазмом обвиняют практиков в противоположных грехах, хотя и с одинаковыми выводами: например, если Стиглиц упрекает российских реформаторов в недооценке теоретического наследия Хайека, то многие отечественные критики видят корень их заблуждений как раз в увлечении идеями этого экономиста.

Столь же странной является наивная вера во всемогущество экономических советов и советников. Оставим в стороне вопрос: кто из тех, кого считают на Западе западными советниками, на самом деле имел какое-то отношение хотя бы к обсуждению экономико-политических решений (в принятии этих решений они, разумеется, никак не могли участвовать). Ведь немало было таких, кто делал имя, объявляя себя «советниками» российского правительства или президента, весь опыт советничества которых ограничивался разовой встречей с каким-нибудь заместителем министра (которых в России несопоставимо больше, чем, скажем, в Великобритании или в США).

Гораздо важнее, что роль экономических советников никогда не состоит и не может состоять в принятии решений – это дело политиков и администраторов. Советник должен анализировать ситуацию с точки зрения теоретического и исторического (в том числе и собственного) опыта, однако он никогда не принимает и не должен принимать решения. Решения принимает политик или чиновник, который и несет за них ответственность (перед избирателями или начальством).

Но дело не только в распределении ответственности. Сила и слабость советника в ограниченности сферы его профессиональных знаний и интеллектуального опыта. Политик же принимает решение, исходя из неизмеримо большего набора факторов, среди которых на первом месте находятся отнюдь не соображения теории и истории, а конкретный баланс социальных сил и групп интересов, решение конкретных (увы, нередко сиюминутных) политических задач. Непонимание некоторыми практикующими экономистами этой особенности советнической доли всегда приводило к конфликтам и скандалам, основанным на понятной, но несправедливой обиде: «если я советник, то почему он (политик) не выполняет мои рекомендации (указания)?».

Рекомендации советников могут восприниматься политиками положительно лишь при двух обстоятельствах. Во-первых, когда советы банальны и очевидны. Скажем, необходимость обеспечения бюджетного равновесия, необходимость либерализации цен, необходимость

остановки гиперинфляции. Конечно, иногда раздаются советы не балансировать бюджет, не останавливать инфляцию и т.п., однако все это уже относится к области околонучной экзотики. Всякий, кто помнит абсолютную пустоту прилавков осенью 1991 г. и реальную угрозу голода в крупных городах, понимает, почему либерализация цен тогда принималась без особых дискуссий.

Во-вторых, когда выдвигаемые предложения соответствуют складывающемуся балансу политических и экономических сил. «Политика – это искусство возможного» – это главное правило поведения политика непосредственно проецируется и на его возможность (даже способность) воспринимать те или иные советы.

Эти обстоятельства и предопределяют близость к властям тех или иных советников в глазах общественного мнения. В конце концов, в Москву на протяжении последнего десятилетия прибывало множество «консультантов», выдвигающих диаметрально противоположные рекомендации по спасению страны. (Даже упомянутый выше П. Фишер с его идеей привлечения инвестиций вместо поддержки рубля также характеризуется как «независимый экономист, работающий по программе технической помощи России»⁴⁵.)

Всякий, кто имел хоть какое-то отношение к разработке и практическому осуществлению экономической политики, хорошо знает об этом. Это верно даже для стабильных демократий, на что обращал внимание и сам Дж. Стиглиц, когда стал руководителем группы экономических советников Президента США⁴⁶. Тем более сложными все эти процессы должны быть в странах, которые только встают на путь рыночных реформ, где нет устоявшихся институтов рыночной демократии и ведется напряженная борьба вокруг самых общих, фундаментальных вопросов формирования новой системы. Поэтому только очень благополучный и очень уверенный в своей правоте западный профессор может воспринимать политическую и социальную борьбу вокруг российских (и вообще посткоммунистических) реформ как

⁴⁵ Transition. 1999. June. P. 34.

⁴⁶ В одном из интервью (кажется, «Wall Street Journal») Дж. Стиглиц замечал, что до последнего времени к экономическим советникам прислушивались лишь отчасти, и основной их задачей было помогать детям или внукам президентов решать задачи из их школьного курса экономической теории.

борьбу метафор и афоризмов, почерпнутых из книг других столь же уважаемых западных профессоров⁴⁷. Сознвая прелесть и остроумие метафор типа «знание того, что вы делаете – «знание того, что вы не знаете, что делаете», «преодоление пропасти одним прыжком – «строительство моста через пропасть», «капитальный ремонт корабля в сухом доке» – «ремонт корабля в море» и т.д., мы вряд ли можем всерьез анализировать посткоммунистическую экономику, оставаясь в плену их очарования.

То же самое можно сказать и об отношении к программам, разрабатываемым совместно с международными финансовыми институтами (особенно с МВФ). От наших западных коллег мы постоянно слышим упреки диаметрально противоположного характера: с одной стороны, согласованные с МВФ проекты не реализуются или реализуются очень плохо, с другой стороны – соответствующие рекомендации являются ошибочными. Здесь опять есть две стороны проблемы: общеэкономическая и технико-экономическая.

К первой относится тип восприятия того, что именуют «Вашингтонским консенсусом». Если его критиковать за недостаточное внимание к институциональной стороне дела в ущерб финансово-экономической, то это достаточно очевидно. Хотя надо принимать во внимание, что институциональные преобразования охватывают десятилетия, а сбалансировать рынок и бюджет, укрепить валюту надо здесь и сейчас. Поэтому предложения синхронизировать эти два аспекта в процессе реформ являются теоретически правильными, но практически бессмысленными. Мало кто из реальных политиков (за исключением, пожалуй, диктаторов) может позволить себе проводить институциональные реформы в условиях острого финансового кризиса. Если же критиковать «Вашингтонский консенсус» за внимание к финансовым вопросам *вместо* вопросов институциональных, то подобные советы не имеют отношения к серьезному экономическому анализу, представляя собой обычную риторику популизма.

Что касается более конкретных, технических вопросов, включаемых в соглашения с МВФ или Мировым банком, то здесь применимы те же аргументы, что и относительно рекомендаций иностранных советников вообще. Однако есть и одно дополнительное обстоятельство,

⁴⁷ *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 26–28.

которое редко принимается во внимание. Пресловутые «условия МВФ» в значительной мере формируются не в Вашингтоне, а в Москве, т.е. иницируются российскими политиками. А потому уже выступают как «навязываемые извне».

Схожие аргументы применимы к вопросу о роли идеологической предвзятости реформаторов. Чтобы идеологическая предвзятость нашла практическую реализацию, необходимо наличие соответствующих социальных сил (групп интересов). Простое решение отдельного политика может быть очень значимо в устойчивых обществах, обладающих большим инерционным потенциалом. Тогда как посткоммунистическая Россия отличается высокой турбулентностью социально-экономических процессов и относительно слабой ролью отдельных личностей и даже государственных институтов. Да и реальные идеологические приоритеты реформаторов не столь очевидны, как это может показаться на первый взгляд. Разумеется, выбор был сделан в пользу либерализма, но сам этот выбор в значительной мере диктовался объективными тенденциями развития экономических систем в конце XX в. Конкретные же проявления предвзятости политики реформаторов гораздо менее очевидны. Как было показано выше, выбор ваучерного механизма никак не соответствовал теоретическим представлениям реформаторов, но был предопределен логикой и решениями прошлого развития. Это же справедливо и по отношению к целому ряду других конкретных решений 90-х гг.

Теперь о национальных, культурных, исторических и географических особенностях страны. Этот аргумент поистине универсален. Им можно объяснить все, что угодно. Нам приходилось слышать, как необходимость создания Российского банка реконструкции и развития (источник дешевых денег для дружественных фирм) объясняли обилием часовых поясов, как неплатежи и бартер объясняли огромными размерами государства Российского, как множественность валютных курсов выводили из особенностей национального характера. Список можно продолжать до бесконечности. Имеющийся опыт позволяет сделать вывод о том, что ссылка на особенности страны в лучшем случае возникает тогда, когда не находится других аргументов для объяснения того или иного явления, а в худшем – когда есть намерение что-то украсть.

Национально-культурные особенности – фактор, не поддающийся количественной верификации. Одинаково убедительный набор исторических аргументов доказывает, что Россия, скажем, самая индивидуалистическая и самая коллективистская страна, что либерализм органически присущ или совершенно чужд ее истории, и т.п. Иногда кажется, что фактор «национально-культурно-исторических-etc.» особенностей играет в экономико-политических дискуссиях роль *deus ex machina* в греческих трагедиях: он возникает тогда, когда не удается найти других объяснений происходящих событий. (Это касается не только России. Как известно, после Второй мировой войны на протяжении примерно полутора десятков лет исследователи скептически воспринимали экономическую политику Японии на том основании, что она не учитывает особенностей японских традиций и национального характера. А позднее с тем же упорством именно этими факторами объясняли происхождение «японского экономического чуда».)

Впрочем, существует один важный фактор, действительно связанный с особенностями данной страны и поддающийся измерению, но который часто упускают из экономико-политических сопоставлений. Речь идет об уровне экономического развития, выражаемого, например, среднедушевым ВВП. Мы уже обращали внимание на этот фактор применительно к возможности сопоставления реформ в России и КНР. Однако значение его гораздо шире. При анализе проблем, с которыми сталкивается та или иная страна в сравнении с другими государствами, исключительно важно принимать во внимание данное обстоятельство. Анализ этого вопроса выходит далеко за рамки настоящей статьи, и поэтому мы здесь лишь отметим: многие межнациональные различия, которые кажутся критическими, резко смягчаются (а то и исчезают) при сопоставлении положения тех же стран в разные исторические моменты, но при сопоставимом уровне развития и в сопоставимых социально-экономических обстоятельствах.

Возникает и еще один вопрос: если проблема в неправильных учебниках, советниках и идеологии, то почему все последовательно сменявшие друг друга правительства России 90-х гг. в своих базовых элементах были весьма схожи? Ведь это были политически и интеллектуально совершенно разные правительства, с совершенно разным пониманием существа исторического опыта и традиций страны, не говоря уже об их идеологических ориентирах. «Монетариста» Гайдара

сменил «крепкий хозяйственник» Черномырдин, на которого лоббисты всех мастей и коммунистические политики возлагали огромные надежды. Но он продолжил (хотя и менее последовательно) курс на макроэкономическую стабилизацию⁴⁸, а ваучерная приватизация именно при нем получила последовательное практическое воплощение. В том же направлении действовал «молодой реформатор» Кириенко. Огромные надежды породил приход «тяжеловеса» Е. Примакова, в правительстве которого левые играли ведущую роль и который имел широкую поддержку лево-националистического большинства Государственной Думы. Но и он пошел по пути макроэкономической стабилизации, причем осуществил ее столь жестко, как никто из пресловутых монетаристов не мог себе позволить. Той же дорогой шел С. Степашин, а сейчас и В. Путин. Откуда такая маниакальность? Наверное, есть ряд объективных факторов, которые заставляли любого премьера действовать в одном направлении, хотя и с вариациями.

Подводя итоги данного раздела, нетрудно увидеть нечто общее, что характерно для всех рассмотренных здесь критических выпадов и рассуждений. Это – крайняя абстрактность подходов, отказ от конкретного анализа событий, который подменяется общими рассуждениями, когда экономическая теория нередко отождествляется с экономической политикой. Главной особенностью большинства исследований является обилие таких рекомендаций, которые ориентируются на должное, а не на политически возможное. Причина состоит в поверхностном знании конкретики российского опыта, что видно уже по набору источников, на которые опираются многие западные исследователи: при обилии работ теоретических и советологических практически полностью отсутствуют работы экономистов, принимавших непосредственное участие в проведении российских реформ⁴⁹. Иными словами, многим

⁴⁸ Незадолго до своей отставки в феврале 1998 г. В. Черномырдин на расширенном заседании Правительства даже заговорил о торжестве «нашего правого монетаристского дела».

⁴⁹ Это тем более странно, что особенностью посткоммунистических реформ стала активная вовлеченность в практическую политику «пишущих экономистов» – технократов, а не только профессиональных политиков и администраторов, как это принято при «нормальном», эволюционном развитии событий. (Одним из первых на этот феномен обратил внимание *Willifmson J. In Search of a Manual for Technopols. The*

критикам российских реформ присуще как раз то, в чем они обвиняют реформаторов – игнорирование конкретных проблем экономической политики, отсутствие знания специфики трансформации именно этой страны.

Фактически дискуссия о причинах тягот и неудач рыночных преобразований сводится к выбору между ошибочной концепцией реформ и непоследовательным воплощением хорошей концепции⁵⁰. Однако, по нашему мнению, суть проблемы выходит за рамки этой дихотомии. Важной задачей исследователя является анализ факторов, которые влияют как на принятие той или иной концепции реформ, так и на характер ее практической реализации. При всей важности личных качеств и устремлений реформаторов (и политиков вообще) необходимо видеть и объективные предпосылки *осуществляемого* (а не замышляемого или обсуждаемого) курса.

При такой постановке вопроса критическое отношение к частым ссылкам на исторические или национально-культурные особенности не должно отрицать наличия определенной специфики российских преобразований по сравнению с другими посткоммунистическими странами. Ведь здесь преобразования на самом деле идут гораздо труднее, с гораздо большими противоречиями и конфликтами, чем в большинстве государств Центральной и Восточной Европы. Именно об этом далее и пойдет речь.

Особенности посткоммунистической трансформации России

«Почему реформаторы так не желали начинать с того места, где они находились?» – задает вопрос Дж. Стиглиц⁵¹ и в общем-то не дает на него ответа. (Точнее, видит причину в том, что реформаторы *сами*

Political Economy of Policy Reform. Washington, DC: Institute for International Economics, 1994, – кстати, одним из первых использовавший термин «Вашингтонский консенсус» в: *Williamson J. Latin American Adjustment: How Much Has Happened?* Washington, DC: Institute for International Economics, 1990.) Разумеется, экономистов – непосредственных участников реформ можно обвинять в некоторой «предвзятости по определению» (хотя это еще следует доказать), однако игнорирование их работ вряд ли можно считать оправданным и справедливым.

⁵⁰ *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 28.

не захотели «начинать с того места, где они находились».) Между тем, проблема как раз в противоположном: реформаторы должны были начинать с того места и в тех условиях, в которые они были поставлены конкретными обстоятельствами осени 1991 г., когда было сформировано первое посткоммунистическое правительство России.

1. Слабое государство и революция

Главная особенность российских посткоммунистических реформ состоит в том, что системные преобразования осуществляются в условиях слабости государственной власти. Этот момент, как правило, игнорируется критиками российской политики или же трактуется весьма своеобразно – как результат сознательной деятельности реформаторов. Либеральная и антикоммунистическая устремленность последних рассматривается как причина быстрого осуществления либерализации и приватизации, которые и привели к кризису государственной власти. Хотя на самом деле все было совершенно иначе – и с теоретической, и с исторической, и с практической точек зрения.

Системные преобразования в условиях слабости государства – это, по сути, определение революции. И если уж говорить об уникальности современной российской ситуации по сравнению с другими посткоммунистическими странами, именно этот момент дает веские основания для размышлений подобного рода. Россия является единственной страной (кроме, пожалуй, Китая), для которой коммунистическая система являлась продуктом собственного развития, а не была навязана извне. Соответственно, и выход из коммунизма становится задачей особой сложности, связанной с разрушением национального консенсуса и резким обострением борьбы различных социальных сил и групп интересов. Если для государств Центральной и Восточной Европы преодоление коммунистического прошлого и вступление в Европейский союз выступает объединяющей общество целью, то для России действия по выводу страны из коммунизма и крушение империи являются, напротив, фактором общественной дезинтеграции⁵².

⁵² Мы здесь опускаем более подробную аргументацию относительно революционного характера российской трансформации. Подробнее на эту тему см.: *May В., Стародубровская И.* Экономические закономерности революционного процесса. Вопросы экономики. 1998. № 4.

Там же обосновывается и характеризуется специфический феномен «революционного экономического кризиса». Среди западных исследователей следует особо выделить работы: *McFaul M.* 1789, 1917 can guide '90s Soviets. San Jose Mercury News, Sunday

Революционный тип трансформации имеет определенные закономерности, в том числе и экономические (как в смысле особенностей экономической политики, так и динамики хозяйственных процессов)⁵³. Экономическая политика в обществе, раздираемом социальной борьбой, не может быть устойчивой и последовательной. Прежде всего, это находит проявление в характере и возможностях государственного воздействия на осуществление социально-экономических процессов. Революция – это вообще не массовые манифестации, а осуществление системных преобразований в условиях слабого государства. Именно слабость государства является фундаментальным фактором развития современной российской экономики, и ни один исследователь не может позволить себе абстрагироваться от данного обстоятельства.

Слабость государства проявляется и в постоянных колебаниях экономического курса, и в множественности конкурирующих друг с другом центров власти, и в отсутствии сложившихся и устойчиво функционирующих политических институтов, и в отсутствии сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры». Слабость государства порождает ряд особых проблем функционирования экономики. Этот вопрос заслуживает отдельного самостоятельного разговора, выходящего за рамки нашей дискуссии.

Вот лишь некоторые экономические последствия слабости государственной власти, подтверждаемые опытом не только современной России, но и всех великих революций прошлого⁵⁴:

- Неспособность собирать налоги. Результатом этого являются резкое возрастание роли инфляционного налога или (чаще – и) резкое обострение бюджетного кризиса, за чем сле-

morning, 1990. August 19; *McFaul M.* Revolutionary Transformations in Comparative Perspective: Defining a Post-Communist Research Agenda. *Revolutions. Reader.* Stanford: Stanford University; 1997; *Goldstone J. A.* Revolution and rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press, 1991.

⁵³ Подробнее вопросы закономерностей революции рассмотрены в: *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. New York: Vintage Books, 1965.

⁵⁴ См., например: *Ashley M.* Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. London; 1962; *Aftalion F.* The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *May B., Стародубровская И.* Экономические закономерности революционного процесса. Вопросы экономики. 1998. № 4.

дует недофинансирование в значительных объемах государственных обязательств (подчеркиваем, что это было характерно практически во всех странах, находящихся в аналогичном положении);

- Резкое возрастание транзакционных издержек, которое ведет к соответствующему снижению конкурентоспособности отечественного производства;
- Демонетизация народного хозяйства, которая приводит к снижению отношения количества денег, находящихся в обращении, к ВВП. Это наблюдалось и в странах, которым удавалось избежать инфляционных процессов, и было связано с уходом денег из обращения в сокровища;
- Слабость государства накладывает неизбежный отпечаток на характер осуществления приватизации, выдвигая на передний план этого процесса решение социально-политических (стабилизация власти) и фискальных задач.

Наконец, слабое государство особенно уязвимо перед коррупцией и лоббизмом. Это делает невозможным укрепление государства, что называется, «в лоб», путем расширения возможностей его прямого вмешательства в экономику. Нередко приходится сталкиваться с парадоксальным умозаключением такого типа: «Российское государство коррумпированное, российское государство слабое – необходимо расширять регулируемую роль государства». Но ведь на практике это означает призыв к расширению функций коррумпированного государства. Укреплять государство, конечно, необходимо, но эта задача не должна сводиться к расширению возможностей чиновничества вмешиваться в хозяйственную жизнь и, особенно, заниматься своим любимым делом – по своему усмотрению (разумеется, в государственных интересах!) распределять редкие ресурсы (неважно, материальные или финансовые).

Все вышеизложенное позволяет понять важнейшую особенность характера осуществления политического процесса (и прежде всего выработки и реализации экономической политики) слабой государственной властью. Центральное место здесь занимает не формирование необходимого политического большинства через существующие политические институты (парламент, партии), которые являются слабыми,

подчас еще плохо оформленными, неустойчивыми. Главное – непосредственное взаимодействие представителей власти (правительства) с ведущими группами экономических интересов, которые обладают реальными рычагами политического давления, а на ранних стадиях трансформации могут играть роль политических партий⁵⁵. Совершенно правы поэтому А. Шляйфер и Д. Трейсман, когда пишут, что «...реформаторы знали, что достижения в области формирования рынка не будут похоронены, если они также смогут создать сильную политическую коалицию в поддержку свободного рынка»⁵⁶.

Еще раз подчеркнем: все перечисленные факторы *в их совокупности* характерны для любой полномасштабной революции. А анализ современной российской трансформации сквозь эту призму позволяет увидеть и объяснить многое в подчас кажущемся странным ходе событий последних 10–15 лет.

Здесь, правда, следует сделать еще одну оговорку. Ряд проблем и недоразумений относительно слабости российской власти, ее неспособности обеспечить реализацию принимаемых решений связан с самим процессом становления демократического режима, в котором прецеденты и опыт не менее важны, чем законы. Многие западные аналитики привыкли видеть в СССР страну с твердым порядком, где власть способна навязывать свои решения обществу. Переход от советского тоталитаризма к демократии внешне не может не выглядеть как ослабление порядка и законности, даже безотносительно к проблемам революционного характера трансформации. Тем более это важно в стране, строящей федерацию, где, помимо других проблем становления демократической системы, приходится искать адекватные формы взаимо-

⁵⁵ О политической роли экономических агентов см. подробнее: *May B. A.* Экономика и власть. М., 1995. С. 45–46. На важность существенно иной политэкономической модели, учитывающей фактор доминирования групп интересов над государственными институтами, обращают внимание в своей последней работе А. Шляйфер и Д. Трейсман. Они пишут: «В размытой политической обстановке, где реализация экономической политики так же важна и так же сложна, как и принятие соответствующих законов, и где принятие достигается, скорее, путем соглашения мощных политических групп, а не путем голосования, выборы являются по большей части одной из многих арен, на которых конкурируют группы интересов» (*Shleifer A., Treisman D.* Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Manuscript, 1999. P. 6).

⁵⁶ *Shleifer A., Treisman D.* Op. cit. P. 1.

действия институтов федеральной власти и власти субъектов Федерации. Вообще же особая сложность российской трансформации связана с переплетением в ее рамках не одного, а трех трансформационных процессов. Один – движение к рыночной экономике, характерное как для всех посткоммунистических стран, так и для Китая. Другой – кризис традиционной индустриальной структуры экономики («экономики угля и стали»), ее преодоление и формирование структуры, более характерной для постиндустриального общества⁵⁷. Третий – революционный экономический кризис, т.е. кризис проведения системных преобразований в условиях слабого государства. И в этом состоит еще одна особенность, значительно затрудняющая как ход российских реформ, так и их анализ.

2. Забытое начало посткоммунистических реформ: яacobинство, большевизм и современная Россия

Итак, вернемся к вопросу Дж. Стиглица, с которого мы начали данный раздел. Его представления о том, что М. Горбачев начал осуществлять постепенные (incremental) реформы, которые были сломаны радикалами⁵⁸, плохо вписываются в реальное развитие событий того времени.

На самом деле горбачевские реформы как раз и привели к полному разбалансированию экономических пропорций, поскольку практически с самого начала имели откровенно популистский характер. Некоторые связывают этот популизм с параллельным проведением демократизации, что ставило политиков в большую зависимость от настроений населения. Однако это не совсем точно: Горбачев прежде всего попытался добиться экономических сдвигов. Когда же в экономике стали обнаруживаться серьезные сбои, он обратился к реформам поли-

⁵⁷ Об объяснении российской трансформации кризисом традиционного индустриального общества подробнее см.: *Rosser J. B. and Rosser M. V. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism. Review of Political Economy. 1997. Vol. 9. № 2.*

⁵⁸ «Реформы эры горбачевской перестройки дают хороший пример постепенных институциональных реформ» (*Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of Transition. Washington, DC: The World Bank, 1999. P. 24.*). Об этом же можно прочитать в книге: *Kots D. with Weir F. Revolution from above: The Demise of the Soviet System (London and New York. Routledge, 1997)*, которая посвящена разбору социально-политических причин выхода СССР за рамки «хороших» реформ М. Горбачева.

тическим, справедливо видя в них способ нейтрализации противников внутри партийной элиты.

Среди конкретных действий руководства СССР второй половины 80-х гг., обернувшихся кризисом экономики и власти, особо выделяются: попытка значительного роста инвестиций в условиях падения цен на нефть и, соответственно, доходов бюджета; антиалкогольная кампания, ставшая дополнительным сильным фактором роста бюджетного дефицита; предоставление самостоятельности руководителям предприятий без адекватного механизма ответственности за эффективность хозяйственной деятельности; запуск механизма спонтанной приватизации (через аренду и кооперативы); неконтролируемое наращивание платежеспособного спроса при сжатии товарного предложения; почти полная либерализация банковской деятельности от ее тотального огосударствления; и др.

Подобное развитие событий характерно для любой полномасштабной революции. Так называемые «правительства умеренных», уверенные в своей высокой популярности и рассчитывающие воспользоваться революционным энтузиазмом для достижения своих целей, в экономической политике склонны прибегать к экзотическим мерам, в результате которых происходит резкое обострение экономического кризиса. А это, в свою очередь, ведет к дальнейшей дестабилизации власти.

Главным результатом экономических реформ времен перестройки стало катастрофическое нарастание экономического кризиса. Его основными проявлениями были:

- товарный дефицит, достигший невиданных размеров и сопоставимый разве что с военной экономикой или со сталинскими экспериментами 1929–1933 гг.;
- начало экономического спада при быстром росте номинальных доходов населения;
- быстрая потеря налоговой базы и приближение бюджетного дефицита к 30% ВВП;
- катастрофическое нарастание внешнего долга;
- распад единого экономического пространства.

К осени 1991 г. страна оказалась на грани продовольственного голода, грозившего охватить основные индустриальные центры. СССР

фактически прекратил свое существование уже в августе, что лишило Россию собственной валюты, обустроенных границ, армии, правоохранительной системы. В условиях тяжелейшего товарного дефицита и угрозы голода резко набирали силу сепаратистские тенденции внутри уже самой России, поскольку региональные власти стремились к установлению полного контроля за производством и распределением «своей» продукции безотносительно к потребностям национального рынка или требованиям законодательства⁵⁹.

Без осознания все этих фактов события рубежа 1991–1992 гг. выглядят вообще сплошным недоразумением, когда начало посткоммунистических реформ в России объясняется результатом ошибочного выбора, сделанного Б. Ельциным и Е. Гайдаром в пользу «монетаризма» и связанного с ним либерального варианта вхождения в рынок. Однако реальное развитие событий было совершенно иным. Вряд ли кто-то может заподозрить Б. Ельцина в том, что он является стихийным либералом. И вряд ли либерализм в конкретных российских культурно-исторических традициях мог бы приобрести сколько-нибудь значительное влияние, если бы не было для того серьезных политических резонансов. Просто в отсутствие реальных административных рычагов в руках российских властей единственное, что им оставалось – пойти по пути последовательной либерализации⁶⁰. Либерализация рубежа 1991–1992 гг. позволила избежать голода и холода зимой, не допустить распада России⁶¹. Однако как только непосредственные опасности такого рода были устранены, а административный ресурс власти минимально восстановлен, подавляющая часть политической элиты отвернулась от экономического либерализма. Хотя периодически вновь возвращалась к нему при обострении кризисных явлений.

⁵⁹ Подробнее см.: *Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. М., 1996. С. 132–136.

⁶⁰ Это соответствовало и тому культурному, интеллектуальному ренессансу либерализма, который происходил тогда в мире. Символом времени стала тогда знаменитая книга Ф. Фукуямы «Конец истории» (*Fukuyama F. The End of History and the Last Man.* London: Penguin Books, 1992).

⁶¹ Сейчас, по прошествии времени, можно возразить, что эти опасности были сильно преувеличены и не реализовались на практике. Однако в то время они воспринимались куда как более серьезно, причем не только политиками, но и населением. И с не меньшим основанием можно сказать, что не реализовались подобные опасения как раз благодаря своевременному принятым реформаторами мерам.

Отсюда и возник радикализм первых посткоммунистических шагов. Однако сам по себе радикализм еще не является признаком (и порождением) революционного характера трансформации. Как мы уже отмечали, радикализм первого посткоммунистического этапа прямо пропорционален глубине макроэкономических дисбалансов и не вытекает из одной лишь политической нестабильности. А вот что действительно является прямым порождением революционного кризиса, и особенно его радикальной фазы, так это прагматизм и идеологическая раскованность предпринимаемых действий.

Последнее заслуживает специальных комментариев. Тем более, что Дж. Стиглиц неоднократно проводит сравнение радикальных реформ в России с деятельностью героев двух великих революций прошлого – якобинцев и большевиков⁶². И эта параллель, по нашему мнению, имеет под собой серьезные основания, хотя и совершенно отличные от тех, на которые опирается автор статьи «Куда ведут реформы?».

Совершенно не соответствует действительности представление, согласно которому жесткость и решительность действий радикальных правительств великих революций прошлого была связана с радикализмом их идеологии, со стремлением осуществить свои программные установки, порвать с наследием старого режима в максимально короткий срок. Если отойти от характерных для обыденного сознания стереотипов и обратиться к научным (а не публицистическим) работам, можно увидеть совершенно иную картину. Радикальные правительства никогда в своей деятельности не ориентировались на свою программу. Это как раз ранние, «умеренные революционные правительства» пытаются осуществлять «научно обоснованные» преобразования, ориентируясь на все самое лучшее, что дает опыт старого режима и революции, стремясь к «инкрементализму, постепенности, адаптивности». Практика свидетельствует, что как раз действия, проводимые уже ослабленной властью, приводят к резкому обострению кризиса. Без глубокого кризиса «инкрементализма» радикальные правительства никогда не приходили бы к власти. Получив же власть, радикалы действуют прагматично (хотя и прикрываются различными лозунгами и идеологемами).

⁶² *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 26–27.

Политическая суть деятельности радикальных правительств состоит в защите новой системы отношений от реставрации. И это главное. Экономическая политика якобинцев и большевиков была подчинена решению этой задачи, для чего они легко пересматривали свои доктринальные установки. Подобный вывод напрашивается при знакомстве с содержащими большое количество фактов исследованиями по истории соответствующих революций⁶³.

Таким образом, если и можно говорить о «якобинстве» начальной фазы посткоммунистических реформ в России, то совсем не в том смысле, в котором пишут об этом некоторые авторы. Якобинство состояло не в приверженности определенной идеологии, не в решительном сломе старых институтов, не в завышенных темпах проведения преобразований, а в четком осознании необходимости концентрации всех сил и ресурсов для стабилизации политической ситуации, для сохранения нового режима перед лицом серьезных политических и экономических угроз. Именно понимание этой проблемы первым посткоммунистическим руководством России и сознательное противодействие «угрозе реставрации» доступными средствами (к тому же не допускающими эксцессов революций прошлого) обусловили выживание новой политической системы, хотя подчас и ценой крайней непоследовательности, колебаний экономического курса. Именно благодаря этой гибкости и одновременно решительности действий иные авторы те-

⁶³ Чтобы не уходить далеко в сторону от предмета настоящей статьи, приведем лишь два примера. Якобинцы, известные своей политикой максимума, изначально были принципиальными противниками подобных мер. Большевики, придя к власти, взяли на вооружение эсеровскую земельную программу, затем отказались от нее. То же было с идеями национализации, к которым возвращались и от которых отказывались в зависимости от ситуации на фронтах. Еще более показательна и малоизвестна ситуация с «отменой денег» большевиками: соответствующие решения были приняты тогда, когда колчаковские войска захватили золотой запас страны. (*Furet F. The French Revolution 1770–1814. Oxford and Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996; Aftalion F. Op. cit.; Далин С. А. Инфляция в эпохи социальных революций. М., 1983*). Причем большевиков отличала особенно высокая «степень прагматизма». Наученные горьким опытом якобинцев, они успели вовремя «самотермидоризоваться» (выражение Ленина) и пойти на радикальный слом экономической модели, сложившейся на радиальной фазе революции.

перь получили возможность писать о *несбывшихся* политических опасениях реформаторов начала 90-х гг.⁶⁴

Потому-то «горбачевский инкрементализм» (о котором с удовольствием пишет Дж. Стиглиц) и радикальный характер послегорбачевского этапа только при поверхностном знании фактов являются антиподами, тогда как на самом деле между ними существует органичная связь. И не только по причинам чисто экономическим, когда более высокая степень разбалансированности экономики оборачивается более болезненными мерами финансовой стабилизации. Надо видеть глубокую историческую связь экспериментов «умеренных революционеров-реформаторов» и последующих правительств революционного периода. Связь, подтвержденную опытом революций прошлого и вновь обнаружившуюся себя в условиях современной России.

Слабость государственной власти в значительной, если не подавляющей, мере предопределяет особенности действий правительства практически во всех сферах экономической жизни. Прежде всего это относится к процессам приватизации.

3. *Приватизация в условиях слабого государства*

Одним из ключевых положений логики Дж. Стиглица и большинства других критиков является рассмотрение ваучерной приватизации как источника ослабления государства и многих последующих бед российской экономики и политики. Мы видим, что к началу приватизации власть уже была радикально ослаблена и практически не имела возможности влиять на важнейшие общественные процессы в стране. Теперь мы намерены показать, каким образом слабость государства влияет на формы и механизмы осуществления приватизации.

В принципе, можно выделить три основные задачи, решение которых обычно связывается с приватизацией – экономическая, фискальная и социально-политическая.

Экономическая задача приватизации нацелена на формирование эффективного собственника. Эта задача провозглашалась еще советским руководством на рубеже 80–90-х гг., когда оно еще даже не решалось говорить о «приватизации» (предпочтение отдавалось термину «разгосударствление»), но находилось под чарующим воздействием успехов политики британских консерваторов во главе с М. Тэтчер. Па-

⁶⁴ *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы?.. С. 7

дающая эффективность производства, вползание страны в экономический кризис требовали новых решений, а логика политической демократизации, переориентации страны на западные ценности естественным образом подводила к признанию частной собственности в качестве предпосылки позитивных экономических сдвигов.

Начавшийся во второй половине 80-х гг. острейший фискальный кризис также стимулировал повышение интереса к приватизации как возможного механизма пополнения бюджета при одновременном сокращении «денежного навеса», связывании выплеснувшихся на рынок огромных денежных ресурсов. Правда, на протяжении довольно долгого периода времени значение приватизации для решения финансовых проблем практически полностью блокировалось отсутствием в стране достаточных для этого капиталов.

Наконец, при помощи приватизации руководство страны стремилось решить задачи укрепления собственного политического положения, а также формирования коалиции для того или иного экономического курса. Именно последний фактор стал решающим в начале 90-х гг., когда посткоммунистические преобразования вступили в решающую стадию, и конфликт между силами неокommунизма и рыночной демократии обнаружился в полной мере, приведя к серии неконституционных эксцессов (август 1991 и октябрь 1993 гг.). Вопросы собственности не могли не выступать здесь мощным аргументом в формировании союзов между политическими силами и влиятельными группами экономических интересов.

Не удивительно, что развитие событий в России соответствовало логике преобразований собственности, наблюдаемой в основных революциях прошлого (прежде всего, в английской революции середины XVII в. и французской революции конца XVIII в.). Манипуляции с недвижимостью вообще являются важнейшей чертой политики слабой государственной власти. Конечно, в широком историческом контексте операции с собственностью должны способствовать решению всех трех перечисленных выше задач. Однако в краткосрочном периоде они нередко находятся в непримиримом противоречии друг с другом. И в такой ситуации, как правило, на первый план выходит функция соци-

ально-политическая, затем (по мере стабилизации власти) – фискальная, и только потом – экономическая⁶⁵.

Нетрудно увидеть, что на протяжении последних пятнадцати лет характер стоящих перед приватизацией задач постепенно менялся. Суть этих изменений получила отражение в провозглашавшихся формах приватизации – «директорской», «народной», «денежной».

Уже реформа предприятий 1987–1988 гг. означала шаг в направлении приватизации в пользу директоров. Руководство предприятий оказывалось практически свободным от вышестоящих органов хозяйственного управления, а зависимости от собственников не возникало из-за отсутствия последних. Этот шаг горбачевской администрации был одним из ключевых моментов в революционизировании перестройки и представлял собой попытку расширения социальной базы реформаторов за счет привлечения на свою сторону директорского корпуса и отчасти трудовых коллективов, которые получили право избрания директоров⁶⁶. Одновременно, как выяснилось позднее, это был шаг к административной и организационной дестабилизации, поскольку в обществе появился влиятельный слой хозяйственных субъектов, не связанных в своих действиях ни административными, ни рыночными ограничителями.

Практически для всех основных нормативных документов, регулирующих процессы приватизации в РФ⁶⁷, характерно, по крайней мере

⁶⁵ Подчеркнем, что речь здесь идет только о приватизации в условиях слабого государства. Приватизация, проводимая стабильным правительством, имеет другую логику. Скажем, британская приватизация 80-х гг. могла сочетать в себе решение всех трех групп задач.

⁶⁶ *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 149–151; *Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. Washington D. C.: The Brookings Institution, 1995. P. 225–226.

⁶⁷ О собственности в СССР: Закон СССР от 6 марта 1990 г.; О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4 июня 1990 г.; О собственности в России: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г.; О приватизации государственных и муниципальных предприятий: Закон РСФСР от 3 июня 1991 г.; Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.: утверждены Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г.; Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год: утверждена Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 июня 1992 г.; Государственная программа при-

формальное, переплетение всех трех задач приватизации. Хотя специфика различных документов, принимавшихся на разных этапах экономической реформы, существенно различна.

Так, первые (позднесоветские) документы Российской Федерации по приватизации отличает доминирование политических и фискальных задач⁶⁸. Стремление к укреплению социальной базы российского руководства в противовес власти союзной прослеживается и в заигрывании с фактически приватизирующим предприятия директорским корпусом, и в предоставлении трудовым коллективам разнообразных льгот при формальной приватизации соответствующих предприятий. Предполагалось, что подобные меры будут способствовать укреплению политических позиций российской власти – как непосредственно, так и путем стимулирования перехода предприятий из союзного подчинения в республиканское. Подчеркнем, что все это было сделано еще на умеренной, советской фазе реформ (точнее, революции).

В первых посткоммунистических документах в качестве целей приватизации фигурируют: «содействие общим целям политики экономической стабилизации»; «обеспечение при приватизации резкого повышения экономической эффективности деятельности предприятий на основе их передачи в руки наиболее эффективных собственников»; «увеличение бюджетных доходов»⁶⁹. Отсутствие здесь социально-политических целей приватизации является более чем показательным и требует некоторых пояснений. Разумеется, было бы ошибкой считать, что исповедующее экономический либерализм первое правительство независимой России не связывало с приватизацией ожиданий социального характер – напротив, формирование строя частных собственников было одной из его важнейших программных задач. Однако эта проблема виделась тогда как стратегическая и не рассматривалась в качестве рычага укрепления политических позиций нового режима.

ватизации государственных и муниципальных предприятий в российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г.

⁶⁸ См., например, законы РСФСР «О собственности в России» (от 24 декабря 1990 г.) и «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» (от 3 июня 1991 г.).

⁶⁹ «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.» утверждены 29 декабря 1991 г. (Экономическая политика Правительства России. М., 1992. С. 28–29.)

Такое понимание роли приватизации пришло позднее, уже во второй половине 1992 г. Поначалу же правительство было склонно проводить курс, выходящий за рамки тех или иных групп интересов. Напротив, задача быстрой макроэкономической стабилизации и, соответственно, преодоления фискального кризиса была ключевой. Поиск неинфляционных источников финансирования государственных расходов, с характерным для постсоциализма высоким уровнем, делал исключительно актуальной возможность привлечения в бюджет средств от приватизации.

Однако реальное развитие событий пошло в ином направлении – как по причине естественного для революции отсутствия консенсуса по ключевым социально-политическим вопросам, так и из-за отсутствия сильной государственной власти. Уже к середине 1992 г. в стране сформировалась мощная оппозиция стабилизационному курсу – под требованием у правительства денег объединились представители всех отраслей и секторов отечественной экономики, даже те из них, чьи интересы в других условиях всегда были противоположными. Под этим напором правительство вынуждено было отступить в макроэкономической области, что обернулось инфляционным взрывом осенью 1992 г. Но одновременно оно стало предпринимать шаги по формированию социально-политической коалиции в свою поддержку. Ключевым моментом здесь стала приватизация.

Свои социально-политические функции приватизация могла выполнить двояким образом. Во-первых, путем привлечения на сторону реформаторов части директорского корпуса, прежде всего способных обеспечивать эффективное функционирование своих предприятий в условиях жестких спросовых ограничений, рыночной конкуренции и чья активность страдала из-за отсутствия четких правовых гарантий прав собственности. Во-вторых, путем привлечения населения, хотя бы временно, к перераспределению. На это и была нацелена модель массовой ваучерной приватизации.

Уже летом 1992 г. в подходах к приватизации намечаются существенные сдвиги. Уходит в тень фискальная задача, поскольку стабилизация в России явно стала приобретать отлаженный характер, инфляция становилась устойчивым феноменом, а тем самым проблема бюджетных доходов на время теряла свою остроту. Меньше внимания уделяется и проблеме эффективного собственника, поскольку в усло-

виях длительной высокой инфляции его формирование становится практически невозможным. А на передний план выдвигается социально-политическая задача приватизации. Это отчетливо прослеживается в обеих версиях Государственной программы приватизации – от 11 июня 1992 г. и особенно от 24 декабря 1993 г.⁷⁰ Несмотря на обязательное упоминание в обоих названных документах важности «формирования широкого слоя частных собственников как экономической основы рыночных отношений»⁷¹, механизм ваучерной приватизации в краткосрочном плане был нацелен на решение иных задач. В нем переплетались механизмы усиления роли директорского корпуса с популизмом «народной» приватизации, вовлекавшей в процессы передела собственности все население страны. Кроме того, население городов получило в собственность практически бесплатно свои квартиры, а сельские жители – наделы земли.

В результате усилий правительства 1992–1994 гг. социально-политические цели были в основном достигнуты. Директорский корпус уже в 1993 г. обнаружил явные признаки раскола на сторонников и противников продолжения рыночных реформ. На тех, кто смог адаптироваться к рыночной конкуренции, и тех, кому нужна была постоянная финансовая поддержка со стороны государства и протекционизм во внешнеэкономической сфере. Значительная часть населения, правда, почувствовала себя обманутой, что отразилось на итогах парламентских выборов 1993 и 1995 гг., но ключевые, с точки зрения развития реформ, президентские выборы 1996 г. сторонниками продолжения рыночных преобразований были все-таки выиграны.

Ваучерный механизм не был и не мог быть эффективным, что признавали и сами реформаторы. Однако это был тот популизм, который в краткосрочном плане обеспечивал поддержку власти, а в среднесрочном способствовал формированию нового класса собственников, заинтересованных в устойчивости новой российской экономики. Именно

⁷⁰ Такое развитие событий не только не является странным, но, напротив, вполне соответствует логике развития революции на ее радикальной фазе. Например, французские якобинцы, оказавшись перед выбором между темпом раздачи земельной собственности и фискальной эффективностью этой процедуры, вынуждены были отдать предпочтение первому.

⁷¹ Приватизация в России: Сборник нормативных документов и материалов. М., 1993. Часть 1. С. 70.

это дало возможность сформировать антикоммунистическую и антиинфляционную коалицию, которая обеспечила решение первичных задач макроэкономической и политической стабилизации.

В середине 90-х гг., по мере укрепления новой власти и обострения бюджетного кризиса, акценты в приватизации были перенесены в фискальную область. Правительству, лишившемуся инфляционного налога, нужны были деньги, и приватизация могла стать их важным источником. Такое изменение ситуации дестабилизировало сложившуюся ранее коалицию, ожидавшую от власти продолжения курса на «стратегическое партнерство». Но правительство почувствовало себя уже достаточно сильным, чтобы противостоять новым группам интересов, и это стало источником обострения политической борьбы на протяжении 1997–1998 гг.

Рамки настоящей статьи не позволяют рассмотреть подробнее модели приватизации, характерные для основных революций прошлого и удивительно напоминающие современные российские проблемы⁷².

⁷² Вопрос о соотношении российской приватизации и существующего опыта преобразования собственности в ходе революций рассмотрен подробно в статье В. Мау и И. Стародубровской «Экономические закономерности революционного процесса» (Вопросы экономики. 1998. № 4).

В этом отношении особенно интересен для нас английский опыт 1650-х гг., где были задействованы различные формы перераспределения собственности.

Во-первых, были проданы королевские земли, причем большая их часть попала в руки членам парламента, генералам революционной армии и финансистам Сити, обеспечивавшим парламентариев и генералов денежными ресурсами.

Во-вторых, продавались земли аристократов-роялистов, причем весьма распространенной формой здесь был выкуп своих земель самими же собственниками (через подставных лиц, а иногда и непосредственно). Причем в социально-экономическом отношении это была очень важная сделка: казна получала дополнительные средства, а собственность освобождалась от старых феодальных ограничений. Английская революция показала, что изменение формы собственности не должно отождествляться с изменением субъекта собственности. Причем первое в стратегическом отношении является делом гораздо более важным.

Наконец, в-третьих, перераспределение ирландских земель осуществлялось через механизм, аналогичный ваучерному. Не имея денег для уплаты жалованья армии, правительство выпустило ценные бумаги – свидетельства на право собственности на землю в Ирландии после подавления там восстания. Этими бумагами расплатились с армией, причем солдаты немедленно продали большую часть бумаг с большим дисконтом, после чего критики режима на протяжении долгого времени упрекали власти

Нам остается только перечислить основные общие черты, характерные для перераспределения собственности в условиях революции.

Во-первых, финансовый эффект от перераспределения собственности всегда оказывается значительно меньше ожидаемого. Ошибочными обычно бывают и сами оценки, поскольку они основываются на старых представлениях о стоимости подлежащих перераспределению активов. Реальная же стоимость оказывается гораздо ниже, что связано и с политической неопределенностью, и со значительным объемом поступающей для перераспределения недвижимости, и с необходимостью повышения скорости реформ в политических целях.

Во-вторых, значительная часть недвижимости попадает в руки спекулянтов и используется затем для перепродаж. Это также является результатом политической нестабильности и скорости перераспределительного процесса. Поэтому требуется дополнительный, иногда довольно значительный, период времени, когда происходит дальнейшее перераспределение в пользу эффективного собственника.

В-третьих, как свидетельствует опыт ряда революций, значительная часть собственности остается в руках старой политической и экономической элиты, которая находит возможность откупиться от новой власти. Особенно это характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной.

Однако как бы ни происходили эти процессы, они постепенно приводят к консолидации политической власти, к укреплению новой элиты. И именно эта цель является главной в процессе революционной трансформации собственности – в отличие от трансформации эволюционной.

Говоря конкретно о России, важно видеть, что приватизация, даже в экзотических формах (ваучеры, залоговые аукционы и т.п.), была скорее фактором укрепления власти, а не ее ослабления. Можно, конечно, утверждать, что власть эта была плоха и неэффективна, однако этот вопрос относится уже к сфере чистой политики и связан с предпочтениями каждого конкретного человека. Рассматривая же российскую приватизацию с политэкономической точки зрения, мы должны видеть этот процесс как преимущественно социальный, т.е. связанный не с

в том, что земли достались не рядовым гражданам, а кучке спекулянтов. Однако ирландское восстание было подавлено, и собственность перераспределена.

реализацией некоей идеальной модели, но как результат реальной политической борьбы различных групп интересов, многие из которых обладали на начальных этапах посткоммунистических реформ большими ресурсами, чем государственная власть.

С завершением 90-х гг. завершается и посткоммунистическая трансформация. С какими бы результатами разные страны ни завершили это десятилетие, можно, по-видимому, уже сделать вывод о том, что переходный период от тотального огосударствления к рыночной экономике завершился. Результаты различны, однако проблемы, с которыми сталкиваются сейчас посткоммунистические страны, являются уже типичными для стран с рыночной экономикой, хотя и находящихся на разных ступенях своего политического и экономического развития.

Вместе с тем, пока еще рано говорить о завершении интеллектуальной деятельности по осмыслению опыта посткоммунистической трансформации и по построению соответствующих теоретических моделей. Ведь переход от огосударственной экономики к рыночной беспрецедентен в мировой истории, и, соответственно, экономисты получили уникальный опыт разработки качественно новой проблемы, возникшей буквально на их глазах.

Разумеется, за нынешними дискуссиями стоят не только чисто научные интересы. Отчасти они порождены задачами своеобразного интеллектуального реванша: те исследователи (прежде всего советологи), которые по долгу службы должны были, но не смогли предсказать крах коммунизма и СССР, на протяжении еще долгого времени будут доказывать, что их теории были верны, а фактическое развитие событий – ошибочно. Отчасти дискуссии будут отражать и некоторые политические мотивы, связанные с поиском Россией своего места в современной мировой политике.

Но не об этом сейчас речь. То, что действительно интересно, находится в сфере собственно экономического анализа, максимально удаленного от конъюнктуры и политики. Этот анализ будет непростым для исследователей и, наверное, неприятным для некоторых реформаторов. Однако его будет отличать реальное знание фактов посткоммунистического развития отдельных стран и построение теоретических

выводов на основе тщательного исследования фактов, а не газетных сенсаций.

В настоящей статье мы рассмотрели аргументы, которые чаще всего можно встретить в статьях западных критиков российских реформ. Сказанное не должно восприниматься как попытка оправдать все, что было сделано, или как уверенность в безошибочности политики последнего десятилетия. Отнюдь нет. Мы лишь хотели показать, что процесс российских преобразований – феномен гораздо более сложный, чем представляется большинству экспертов, наблюдающих его со стороны или издалека.

Сказанное не должно умять и чисто теоретического интереса к работам жестких критиков российских реформ. Как, впрочем, и к работам авторов, позитивно оценивающих российский опыт⁷³. Однако надо хорошо себе представлять, что в подавляющем большинстве содержащаяся в них полемика является полемикой западных экономистов друг с другом по поводу *их представлений о том, что происходит в России* и как это соответствует *их* теоретическим моделям.

Литература

Абалкин Л. И., Богомолов О. Т., Макаров В. Л., и др. (1996). Новая экономическая политика для России: Совместное заявление российских и американских экономистов. Независимая газета. 1 июля.

Авен П. (1999). Экономика торга. Независимая газета. 27 января.

Богомолов О. Т. (ред.). (1996). Реформы глазами американских и российских ученых. М.: РЭЖ.

Гайдар Е. (1995). Государство и эволюция. М.

Гайдар Е. Т. (1996). Дни поражений и побед. М.

Гайдар Е. (1997). «Детские болезни» постсоциализма (к вопросу о природе бюджетного кризиса этапа финансовой стабилизации). Вопросы экономики. № 4.

Гайдар Е. Т. (гл. ред.). (1998). Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1998). М.: ИЭПП.

⁷³ Среди работ подобного рода, в последнее время весьма, впрочем, малочисленных, очень интересна уже упоминавшаяся книга А. Шляйфера и Д. Трейсмана с характерным названием «Без карты», а также статья А. Аслунда «Russia on the Mend».

- Далин С. А. (1983).* Инфляция в эпохи социальных революций. М.
- Илларионов А. (1998).* Секрет китайского экономического «чуда». Вопросы экономики. № 4.
- Интриллигейтор М. (1996).* Шокирующий провал «шоковой терапии» / Богомолов О. Т. (ред.). Реформы глазами американских и российских ученых. М.: РЭЖ.
- Мау В. А. (1995).* Экономика и власть. М.
- Мау В. (1996).* Рецепт «китайского чуда» запоздал почти на полвека. Капитал. 1996. 7–14 мая.
- Мау В. А. (1998).* Экономика и право. М.: ИЭППП.
- Мау В. А. (1999).* Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.
- Мау В. Стародубровская И. (1998).* Экономические закономерности революционного процесса. Вопросы экономики. № 4.
- Панфилова Ю., Семенов А. (1999).* Деприватизация свершилась. Коммерсантъ. 13 октября.
- Поумер М. (1996).* Модель совершенной конкуренции и роль государства. Богомолов О. Т. (ред.). Реформы глазами американских и российских ученых. М.: РЭЖ.
- Приватизация в России: Сборник нормативных документов и материалов. М., 1993. Часть 1.
- Пул Ф. (1999).* Неизбежное зло. Ведомости. 16 сентября.
- Радыгин А. Д. (1994).* Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М.
- Сакс Дж. (1999).* Неудача российских реформ. Независимая газета. 16 сентября.
- Синельников С. (1995).* Бюджетный кризис в России: 1985–1995. М.
- Стиглиц Дж. (1998).* Многообразные инструменты, шире цели: движение к поствашингтонскому консенсусу. Вопросы экономики. № 8.
- Стиглиц Дж. (1999).* Куда ведут реформы? Вопросы экономики. № 7.
- Д. Старк (1996).* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма. Вопросы экономики. № 6.
- Б. Шаванс (1999).* Эволюционный путь от социализма. Вопросы экономики. № 6.
- Эллерман Д. (1999).* Ваучерная приватизация как инструмент «холодной войны». Вопросы экономики. № 8.
- Экономическая политика Правительства России. М., 1992.

Aftalion F. (1990). The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press.

Ashley M. (1962). Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. London.

Aslund A. (1995). How Russia Became a Market Economy. Washington D. C.: The Brookings Institution.

Aslund A. (1999). Russia on the mend. Chase. International Fixed Income research. Highlights of Current Strategy. September 7.

Brinton C. (1965). The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. New York: Vintage Books.

Brovkin Vladimir. (1999). Wishful Thinking about Russia. Transition. June.

Furet F. (1996). The French Revolution 1770–1814. Oxford and Cambridge, Mass.: Blackwell.

Fukuyama F. (1992). The End of History and the Last Man. London: Penguin Books.

Goldstone J. A. (1991). Revolution and rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press.

Kots D. with Weir F. (1997). Revolution from above: The Demise of the Soviet System. London and New York. Routledge.

Mau V. and Srarodubrovskaya I. (1999). Economic Regularities of the Revolutionary Process. Social Sciences. Vol. 30. № 1.

McFaul M. (1990). 1789, 1917 can guide '90s Soviets. San Jose Mercury News, Sunday morning, August 19.

McFaul M. (1997). Revolutionary Transformations in Comparative Perspective: Defining a Post-Communist Research Agenda. Revolutions. Reader. Stanford: Stanford University.

Milestone of Transition (1999). Transition. June.

Morita T. (1999). Pretence of market Economy and Legacy of Old Regime – Political Economy of System Transformation. Transition. June.

Radygin A. (1996). Privatisation in Russia: Hard Choices, First Results, New Targets. London: CRCE.

Rose Richard (1999). Distributing Government Institutions, Russians Develop Survival Strategies. Transition. June.

Rosser J. B. and Rosser M. V. (1997). Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism. Review of Political Economy. Vol. 9. № 2.

Sachs J. (1996). The Transition at Mid Decade. American Economic Review Papers and Proceedings. X.

Shleifer A., Treisman D. (1999). Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Manuscript.

Situation of Russia's Poor Aggravates 1999. Transition. June.

Skocpol T. (1979). States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press.

Stiglitz J. (1999). Whither Reform? Ten Years of Transition. Washington, DC: The World Bank.

Triesman D. After Yeltsin Comes... Yeltsin. Foreign Policy. 1999–2000. Winter.

Williamson J. (1990). Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Washington, DC: Institute for International Economics.

Williamson J. (1994). In Search of a Manual for Technopols / Williamson J. (ed.). The Political Economy of Policy Reform. Washington, DC: Institute for International Economics.

World Bank. 1992. Russian Economic Reform: Crossing the Threshold of Structural Change. Washington: The World Bank.